

Без десяти шесть Игорь Борисович выключил телевизор и подошел к окну взглянуть на бело-синий коллектив многоэтажек района. Постояв у окна, он прислонил часы к уху, чтобы сосредоточиться на шестидесяти ударах в минуту. Тэк-тэк-тэк – дергалась пружина. Звонка нет. Любое отклонение от ритма нервировало.

Только в семь часов Игорь Борисович, пересмотревший груды газет «30Ж», перезвонил сам.

– Дисциплина – залог здоровья, – поздоровался он с сыном.

– Чистота вообще-то. Привет, пап. Извини, не позвонил. Кран прорвало, квартиру затопило. Расхлебываем тут.

– На кухне?

– В ванной.

– Давно менять пора было. Соседей затопили?

– Не, нормально. Разберемся. Сегодня убираем, завтра новый ставить буду. А так у нас все как обычно, позвоню, как время будет.

– Отечественный бери, латунный. У Валеры на рынке хорошие краны, ну который у станции торгует. Однорукие не бери, а то... – но разговор оборвался.

Ночью Игорю Борисовичу плохо спалось, и встал он раньше обычного. дождался семи, чтобы завести часы, потом девяти до открытия строительного рынка. Сыну нужно было помочь. Игорь Борисович проработал сантехником в местном ЖКХ несколько лет, хорошо знал продавцов, с некоторыми дружил. Поэтому новый кран купил идеальный. Не переплатил, не प्रदेशевил.

Сын жил на другом конце города, но столица доказывала относительность расстояний – жизнь в одном городе не предполагала частые встречи. Игорь Борисович спустился в метро, сел в полупустой вагон. Двери хлопнули, и поезд потянуло вперед. Ехать было минут сорок, он глянул на часы и засекал время. Из окна вагона, как из грязной лужи, на него смотрело отражение. Крепкий мужик еще, в глазах металлический блеск, спокойствие. Игорь Борисович держал на руках красную коробку с новым смесителем и чемодан с инструментами, которые захватил из дома.

– Зачем?! Не надо было, – сказал Андрей у порога, когда увидел отца с чемоданом и красной коробкой. – И лучше в следующий раз звонить, мы же договаривались.

Сын Андрей – худой, высокий, кареглазый и бордотатый – был не то чтобы другой масти, а будто бы совсем из другой карточной колоды. Игорь Борисович выплавлен из стали, а Андрей – из теплой, мягкой меди.

В доме сына было светло и просторно. На окнах не было занавесок, на подоконниках пусто, на полах не было ковров, минимум мебели, много фотографий и картин на белых стенах. Но в этом свободном пространстве съемной квартиры Игорь Борисович все равно ощущал себя неуклюжим взрослым в чужой детской комнате: ходил осторожно, будто боялся наступить на детскую игрушку, аккуратно садился на бежевый диван и стулья с высокой спинкой, остерегаясь что-то сломать или испортить. И повсюду чувствовал вязкое, стесняющее давление.

Андрей жил с Надей. Кто она: подруга, невеста или жена? Игорь Борисович не знал, куда ее поместить в своей системе координат, от этой неопределенности побаивался ее настолько, что даже не называл по имени.

Из ванной Игорь Борисович крикнул:

– Напортачили твои работнички тут. А я говорил, давай сам сантехнику поставлю. Не послушал... – Игорь Борисович изучал лабиринты труб. – Ладно, я сейчас быстро поменяю.

– Пап, – Андрей позвал из кухни. – Давай посидим, кофе выпьем. Тебе какой – капсульный, из турки, из кофемашины, во френч-прессе? Есть темной и светлой обжарки. Разные бленды – ароматизированные и классические. Могу покрепче, могу помягче сделать. Пену могу взбить. Капучинатор есть. Или просто с молоком? Без кофеина есть, тебе какой? Сироп добавить? Давай мягкий blend сделаю, только недавно друзья из Африки привезли свежий кофе...

– Чай буду, – ответил Игорь Борисович и посмотрел на часы.

Хотелось управиться за час и поехать домой. Андрей ответил молчанием.

Из ванной Игорь Борисович прошел на кухню, вымыл руки и аккуратно и медленно присел на стул. Надя стояла спиной, нервно и быстро резала салат. Андрей ставил тарелки.

– Скандинавской ходьбой не занялся, па? – Андрей намазывал на тонкий хлебец пасту из хумуса.

– Это для стариков, мне еще рано.

Игорь Борисович положил на тарелку салат из одних зеленых листьев, политых чем-то кислым и пряным и посыпанных мелкими семенами. Он чувствовал себя как ребенок за взрослым столом – непонятно, как это есть, где хлеб и почему тарелки такие плоские, большие, квадратные и синие.

– Как на работе дела? – спросил Игорь Борисович, наконец проглотив листья рукколы, которая имела вкус бензина.

- Пап, я уволился.
- Полгода назад уже, – добавила Надя.
- Ты там и года не проработал же. – От салата во рту стало слишком кисло. – Я в ЖЭКе двадцать лет проработал. Меня не мотало, как пустую бутылку на полу вагона.
- А я ишу себя, пап, пробую разное. – Андрей положил в тарелку побольше салата.

Надя доела салат и налила себе воды, Игорю Борисовичу сделала чай.

- Чай только из пакетиков у вас? Заварки нету? – обратился к ней Игорь Борисович. – Сделай тогда, пожалуйста, кипятку, – протянул ей налившую чашку и снова обратился к Андрею: – Ну так и что же попробуешь?
- Фотографией занялся.
- В фотостудии, что ли? Где на паспорт фотографируют?

Андрей встал из-за стола и подошел к Наде. Надя, выливая неправильный чай в раковину, погладила его по руке, обняла понимающим взглядом. Андрей долил воды в чайник. Надя его включила.

- Пока там, да. Пока учусь делать профессиональные съемки.

Вся семья слушала, как закипает вода. Игорь Борисович ковырял в зубах застрявшие зерна из салата, Надя переглядывалась с Андреем.

- И что, хорошо платят? – Игорь Борисович дождался наконец кипятка в чашке и начал осматривать кухню, чтобы найти сахар. – На свою квартиру заработал? На машину? На свадьбу? – И он покоился на Надю.

- Сахара у нас нет, к сожалению. – вставила Надя. – Да и вам лучше без сахара, он же вредный.

- Сколько надо, столько и платят, нам хватает, – вставил Андрей, опустил капсулу в кофемашину.

Громко щелкнула крышка, машинка затарахтела и выпустила витую струйку кофе, похожую на нить шпагата. Запахло кофе. Все слушали, как наполняется чашка.

Игорь Борисович отхлебнул своего кипятка. Снова попросил у Нади пакетик чая, окрасил им кипяток, попробовал, добавил еще один. Несладкий коричневый напиток напоминал то ли полынь, то ли дым костра. Во рту было едко и противно. Он посмотрел на часы.

- Ну, пойдем работать! Работа, как говорится, не волк, а сила, умноженная на расстояние. – Игорь Борисович улыбнулся Наде, а она опять перебрала нить взгляда Андрею.

- Па, не надо кран менять, – поглядывая на отца поверх чашки кофе, сказал Андрей.

- Игорь Борисович, мы сами решим этот вопрос, мы уже договорились с... – Надя встала из-за стола и начала что-то искать. – Где же тут он лежал...

- Мои друзья все починят. И кран я уже купил, такой, какой я сам хочу.

- Однорукий, что ли? Отечественный хоть?

- Однорукий. Итальянский. Какой я хочу.

- Вот, сахар нашла! – И Надя протянула измятые одноразовые пакетики с сахаром.

Игорь Борисович нехотя взял один и высыпал в чай. Вкуснее не стало.

- Ну давай я твой поставлю. – Отхлебнул. – Только потом не жалуйся, когда опять рванет.

- Я тебе не жаловался! И не надо мне ничего ставить, я вообще не просил тебя приезжать. Я сам могу разобраться и со своими проблемами, и со своей жизнью. И с краном тоже.

- Игорь Борисович, – вmeshалась Надя, – мы просто друзей попросили, уже договорились, нам так неудобно будет опять им отказывать, нужно уважать чужое время.

- Неудобно на потолке спать – одеяло падает, – по инерции пошутил Игорь Борисович. – Ну как знаете. Поеду тогда.

Игорь Борисович прошел в прихожую и начал обуваться.

На улицу Игорь Борисович вышел с неприятным ощущением. Вспотел, будто на пятый этаж поднялся, хотя спускался на лифте. Во рту до сих пор был неприятный привкус чая, в зубах до сих пор мешались мелкие зерна из салата. Часы показывали, что прошло полчаса. Полчаса, вырванных из плана. Никому не нужных, бессмысленных и бестолковых. Игорь Борисович злился на потерянное время, на дурацкий салат и на невкусный чай.

По широким свободным тротуарам, вдоль шумной дороги он поплелся домой. Уже у метро вспомнил, что забыл у сына ящик с инструментами. Вернулся. Прошел через двор, уже почти подошел к подъезду, как увидел Надю с мешками мусора. Она, не заметив его, быстро прошла к мусорным бакам. В зеленые контейнеры полетели два черных мешка и новенькая красная коробка со смесителем. Потом вышел Андрей, они сели в такси, машина, ожидающая их, быстро тронулась и скрылась в арке.

Ночью Игорю Борисовичу не спалось. Он ощущал свое тело – большие колени, спину, живот. Ворочался на кровати, пытаясь забыться, прислонял к уху часы с умиротворяющим и ровным постукиванием, но привычные «тэк-тэк-тэк» не успокаивали. Около

По его голове, лбу и носу потекла прозрачная мыльная жижа. Крупными пятнами растекалась на клетчатой рубашке и маленькими пятнышками отделилась на брюках. Малыш захохотал, отец запсиховал.

- Так, короче. Давайте тут без меня заканчивайте, я к машине пошел.
- Ну Леша, – закапризничала жена.
- Нормально, нормально. – Андрей попытался успокоить семейство. – У нас все есть уже, все снимки, все сделали. Давайте я теперь вас отдельно снимаю, – предложил он молодой маме.

Пока старший присматривал за младшим, а отец курил в сторонке, мама наслаждалась позированием. Возможно, она не была так уж прекрасна, но даже цветок подорожника, если умело засунуть его в букет из работ визажиста, стилиста, парикмахера и модельера, хоть и теряет самобытность и натуральность, но преобразуется, становится ярким, контрастным, видимым.

- А вас камера любит, – подбодрил. А про себя выругался. – Кого камера любит, тот подписчиков накрутит, – снова пошутил Андрей.

Мама захихикала:

- А я блогер, между прочим. Пишу про семейные ценности и про силу женской энергии. Подписывайтесь и жену свою подпишите.
- Обязательно! – И Андрей достал смартфон, но не потому, что хотел подписаться на блогершу, совсем не вызывающую доверия, а потому, что ему кто-то звонил.

- Я работаю, давай быстро. – Андрей резал слова. – Нет, я не хочу ни с кем говорить. Нет, не надо меня записывать. Я? Я лучше всех. Все, работаю, пока. – Андрей повесил трубку и снова начал менять объектив. Руки его начали опять дрожать, губы тихо и автоматически выругались.

На фоне муж и отец орал на детей, один из которых хотел поиграть в мяч-реквизит, а другой устал настолько, что не реагировал на команды отца.

- А можно посмотреть? – попросила мамаша, когда Андрей закончил.

Андрей показал фотографии, на которых запечатлена картинка идеальной счастливой семьи.

- Здорово, я довольна, – заявила она.
- Ты скоро?! – гаркнул муж, который не мог успокоить ревущего малыша, и мама заторопилась к семье.
- До свидания, у меня еще свой канал на ютубе, мы там с мальчишками смешные ролики снимаем. Жду фотки! – попрощалась она, усаживая младшего в коляску.

Когда семейство скрылось из виду, Андрей сложил фотоинструменты, сел на холодный газон парка. Кроны деревьев просеивали солнечный свет, журчали птицы, май всегда показывал природу через самый контрастный фильтр – все было так чисто, блестяще и живо: всё и отовсюду смеялось, блестело, слепило, цвело, распускалось, обнималось и торопилось жить. Андрей прилип глазами к спиленному пеньку напротив. На ровном срезе бывшего дерева выросла тонкая веточка с несколькими листочками, раскачивалась под весенним ветром, тянулась вверх, зеленая, юная и настырная. Андрей долго смотрел на нее, пока уставшее зрение не начало размывать фон, потом громко выругался, беспричинно и грубо, затем собрался и поехал домой.

Дверь открыла жена.

- Тебе привет, зови на обед! – Андрей протянул ей большой букет пышных белых хризантем.

- Андрей. – Она произнесла его имя тихо и тревожно, будто цветы напугали ее. – Как ты?

Андрей снял кроссовки, повесил ветровку в шкаф, сумку оставил у порога.

- Лучше всех, а что такое? – Андрей чмокнул жену в щеку. – Поставь цветы в вазу.

В ванной Андрей намылил руки, долго растирал скользкую пену сначала на ладонях, потом на пальцах и между пальцами – задумался и так крепко сжал руки, что почувствовал тонкие костяшки. Замер. Почувствовал, как кровь нагрела уши и щеки, включил холодную воду и умылся.

- Поставила уже? – крикнул жене.

Она стояла рядом, сложив руки на груди и смотря в сторону, будто ее кто-то отчитывал.

- Андрей, ты точно в порядке? Может, все-таки я позвоню Ольге? Она правда хорошая, я к ней ходила полгода назад.

- Кто с психологом болтает, тот богато поживает. – Андрей вытер руки и лицо синим полотенцем и поцеловал жену в лоб. – Что на ужин?

Еда и грусть несовместимы. Невозможно говорить о еде, думать о еде и предвкушать еду и при этом грустить. Разговоры о еде между супругами – всегда мирная, успокаивающая пауза.

- Запеченная рыба, – ответила жена.

Ужинали молча.

- Представляешь, семейка бешеная попалась. Жена – дурочка такая, муж – хамло. Ведут блог о семейных ценностях. – Андрей положил в тарелку перламутрового риса, запеченной белой рыбы в тающей шапке из сыра и сливок и разноцветных овощей, отполированных оливковым маслом. – Она еще какую-то женственность пропагандирует.

Жена ела молча. Андрей засунул в рот кусок рыбы, но не почувствовал вкуса. Встал, чтобы налить в стакан воды. Подошел к крану, но тот ответил шумящей пустотой.

– Он протекал сильно, я в стояке воду отключила, – объяснила жена. – Давай я открою, – встала и заторопилась к стояку.

– Не надо. Прокладку давно надо поменять. Сейчас сделаю.

– Андрей, это не обязательно, я завтра вызову мастера, сядь, поешь.

Но Андрей уже собирался. Молча она проводила его до двери.

Андрей поехал на строительный рынок. Он никогда не ремонтировал краны, у него в доме не было даже инструментов. Но сейчас это дело казалось ему спасением.

По дороге он цеплялся за детали: шум метро, яркие ботинки девушки напротив, красная кнопка связи с машинистом, – только они, как хрупкие травинки, за которые цепляешься, чтобы не упасть в бездну, позволяли Андрею не провалиться в безвременье и ощущать, нащупывать мир вокруг. Про себя он напевал пошлую матерную песню. В сложные периоды жизни всегда тянет на все низкопробное, вычурное, грубое и безвкусное.

В вагон вошла мама с ребенком лет шести. Мальчик держал в руках шарик из «Макдоналдса». Андрей улыбнулся ему, а потом так и сидел с застывшей улыбкой, пока вагон не остановился на нужной станции. Только тогда Андрей расслабил мышцы лица, опять выругался и вышел из вагона.

Андрей долго ходил по рынку, всматривался в товар, в котором совсем не разбирался, имитировал интерес, притворялся вредным покупателем. На самом деле ему было все равно. Он остановился возле какой-то палатки и, снова сфокусировавшись на каком-то блестящем пятне, завис, замер, как манекен.

– Что вам нужно, молодой человек? – обратился к нему немолодой уже продавец, деловитый, с заинтересованным взглядом.

– Мне? – опомнился Андрей. – Ничего, я сам.

– А вы у нас что-то покупали, да?

– Нет, я тут первый раз.

– А, вспомнил! – продавец вдруг замаялся, примолк, постеснялся. – Игорь Гвоздев? Вы его сын, так?

Андрей резко вернулся в реальность. Закивал, смутился, почувствовал, как опять греются уши и щеки, как будто его застучали за чем-то стыдным.

– Соболезную. Я сегодня узнал. Хороший был человек. Сильный, дисциплинированный, умный,

душевный такой. Мы с ним болтали часто, он шутил все время, разговорки какие-то, прибаутки. Стихи, наверное, сочинял? – Продавец выдержал паузу. – Соболезную. Хороший был человек. Попрощались уже?

Андрей не сразу понял, о чем его спросили. Когда осознал, ответил:

– Да. Позавчера.

Андрей вышел на улицу, на воздух, в пространство. Пошел быстро, размашисто, молча. В голову ничего не лезло, глаза опять ничего не видели, только цеплялись за бестолковые детали: сумка у женщины, лай собаки, сигнал машины, голос прохожего, дерево, вывеска, кто-то толкнул, выругался.

Он шел долго и только в каком-то сквере позволил себе присесть на скамейку. Сидел долго, похожий на ржавый погнутый гвоздь, одинокий и бесполезный.

Там, на лавочке, недалеко от строительного рынка спального района Москвы, Андрей впервые почувствовал себя очень и очень старым.

нием, что не стал такими, как учительница, Леха или отец.

Хорошие люди в жизни Тимура, конечно, были. Например, его мама. Если бы Тимуру дали задание придумать, как назвать маму, он назвал бы ее Тишина. В тишине спокойно, уютно, безопасно и можно плакать. Иногда мама сажала его на колени, обнимала, шершавой от мозолей рукой гладила по голове и пела песни. Тимур сидел на коленях, пока не засыпал, а потом мама аккуратно перекладывала его на кровать и накрывала шерстяным одеялом.

Вторым хорошим человеком в его жизни была учительница музыки. Он прятался в ее кабинете, когда знал, что Леха и его банда ждут за школой. Она иногда угощала бутербродами и чаем с чабрецом, который приносила из дома в длинном термосе, похожем на военный снаряд. Тимур прослушал почти все пластинки и кассеты, которые нашел в ее кабинете, выбрал фаворитов – в основном из эпохи романтизма. Он мог напеть наизусть почти любое произведение и с первых аккордов угадывал номер сонаты и опус сочинения. Учительница музыки первой заметила способности Тимура. «У мальчика абсолютный слух», – говорила она матери, но мать смеялась – в нашей деревне никто за слух не платит. «У него уникальная музыкальная память, он очень восприимчив к музыке», – учительница была настойчива и очень просила отдать Тимура в музыкальную школу. Полгода Тимур занимался в школе искусств по классу фортепиано, но так и не смог ничего выучить. Ноты перед ним прыгали так же, как и буквы в книгах.

В восьмом классе учительница музыки уехала из их маленького поселка в город и на прощание подарила Тимуру новенький mp3-плеер и несколько дисков с произведениями классиков. Так в маленькой серой коробочке у Тимура появился мир, в котором он наконец мог быть счастливым.

После школы жизнь Тимура двигалась ровным запрограммированным ритмом. После девятого класса он уехал к двоюродной бабушке в Москву, поступил в колледж и кое-как отучился. После колледжа его ждала армия – год жизни без музыки, об этом времени Тимур больше всех прочих хотел бы забыть.

После армии Тимур вновь вернулся к двоюродной бабушке в Москву и начал искать работу. Несколько лет подрабатывал разнорабочим, пока однажды не устроился в такси. Он полюбил свою работу на второй день, да и как было не полюбить – водителем Тимур мог целыми днями слушать музыку в декорациях богатой, нарядной и огромной столицы.

Тимур был молчаливый, тихий и почти незаметный. Наверное, поэтому у него почти не было друзей. Свое одиночество, диковую стеснительность, бессилие выразить чувства и мысли Тимур прятал в музыку. Слушая классику, Тимур жадничал – забирал у нее все, что мог, – концентрированный смысл, жизненный опыт, чистые эмоции. Как часто он оставался на стоянке, делал музыку громче и закрывал глаза. Как часто он накатывал круги вокруг двора и приезжал позже только лишь для того, чтобы дослушать арию. Как часто он общался с клиентами через музыку, ставя им произведения, которые отражают его чувства, и как часто его не понимали и не хотели услышать. Музыка рассказывала ему истории, показывала картинки, погружала его в мир без образов, запахов и ощущений, но полный неосознаваемого смысла, живой поэзии, воплощенных чувств и растворившихся историй.

– Вивальди, «Зима»! – Иногда Тимур все же заговаривал с пассажирами. Особенно когда звучал Вивальди – тогда Тимур становился смелым, дерзким и решительным. Слушая «Времена года», он непроизвольно давил на газ, агрессивно обгонял и резко тормозил.

– «Танец рыцарей», Прокофьев, – сообщал Тимур пассажиру, и тот немного пугался, потому что Тимур казался ему не в меру воинственным, напряженным и агрессивным.

– А это «Лебедь», Сен-Санс, – говорил Тимур, и шея его вытягивалась, плечи расслаблялись и лопатки расплавлились, и если бы не руль, за который нужно держаться, не педали, на которые нужно жать ногами, и если бы не дорога, за которой нужно следить, то Тимур бы затанцевал прямо там, в машине, плавно и грациозно двигая руками, как крыльями, и держа балетную осанку.

Тимур так сильно любил музыку, что однажды музыка ответила ему взаимностью.

Летним вечером музыка реальная, пахнущая фруктовыми духами и одетая в веселье и молодость, мелодия в человеческом облике, воплотившаяся муза села к нему в машину и попросила отвезти домой. Он сначала услышал ее, а только потом увидел – девушка-виолончель, с глубоким, низким, чистым голосом и длинными пальцами, как у пианиста.

Она была похожа на мятное дыхание, на внезапный ветерок в душной комнате. У нее были каштановые волосы и зеленая блузка. Каждый раз, когда Тимур хотел посмотреть на нее, чувствовал, как сильно потеют его ладони.

Тимур сидел в машине и осознавал реальность. Шуман не лучший вариант для свидания, думал он. Вот если бы Сен-Санс! Как только Елена вышла из машины, он заметил, что она забыла свою черную сумочку и телефон и ушла к подъезду только с ключами, которые вертела в руке по дороге. Тимур был хорошим человеком, и, конечно, сразу подумал, что ее нужно окликнуть, но смалодушничал, испугался, что, отдав ей забытые вещи, он больше никогда ее не увидит.

Девушку звали Елена. Когда она села в такси, луна плавала в тюле облаков. Взболтанный город уже давно успокоился и осел, оставив приглушенный шум дорог и долгожданную прохладу. В машине играл Чайковский, адажио из «Лебединого озера». Солировала скрипка, грацией тянулась мелодия, плавала на поверхности аккомпанемента. Что необычного было в ней? Чем она отличалась от других пассажирок? Возможно, тем, что, поздоровавшись, назвала свое имя? Или тем, что села на переднее сиденье? А может быть, тем, что, уточнив адрес, радостно воскликнула: – О, это же «Лебединое озеро»! – И она замахала руками, изображая балет, а потом засмеялась.

– «Лебединое озеро»! Балет! Чайковский! – ответил Тимур.

Потом он замолчал. Он смотрел на дорогу – Садовое кольцо, набитое машинами в несколько рядов,

обрамленное широкими тротуарами с витринами магазинов и кафе. Тимур вдруг вспомнил родной поселок, дорогу от школы домой, вспомнил учительницу музыки, ее подарок – плеер, с которым Тимур не расставался восемь лет, вспомнил маму, ее песни и шершавые ладони на своем лбу, тепло ее груди и ромашковый запах шеи.

– Я еще Вагнера люблю. И Листа. И Мендельсона, – добавил Тимур, но хотел сказать, конечно, совсем другое.

Тимур чувствовал, что Елена смотрит на него так, будто нашла в нем нечто оригинальное и удивительное. Но что? Тимур украдкой посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Лоб блестел от пота. Глаза серые, большие, чуть напуганные, нос обычный. Остальное неважно. Тимур нахмурил брови, чтобы выглядеть смелее.

– А перед сном я люблю слушать Шостаковича, – соврал Тимур.

Перед сном он слушал Шопена. Ложь имела неожиданные приятные последствия.

– А вы и на концерты ходите? – спросила Елена.

– Нет, – ответил Тимур и с выражением жалости и скорби посмотрел в боковое окно. Хорошо, что они стояли на светофоре. – Не могу. Работа.

– Я вот знаю человека, он очень хотел сходить на концерт рок-группы, а у него работа была, и он билеты за полгода купил, а потом его на какую-то важную конференцию отправили, а он отказался. Ему говорят – не поедешь, уволим. Он концерт пропустил, на конференцию съездил, а на следующий день сам уволился. В общем, надо свои мечты исполнять.

Тимур переключил песню и ответил:

– Бетховен. «Лунная соната». Первая часть. Моя любимая.

Когда первая часть подошла к пику взволнованности, когда пассаж из терций устремился ко второй октаве и, полный трагичных предчувствий, снижал к нижним нотам, Тимур остановился у дома Елены. Когда прозвучал последний аккорд лунной драмы, Елена сказала:

– А давайте завтра сходим на концерт классической музыки! – Не дожидаясь утвердительного ответа, она достала телефон, открыла сайт, нашла нужный концерт. – Вот! Концерт Шумана для фортепиано с оркестром. В большом зале консерватории Чайковского. В пятницу. Беру билеты? – Елена посмотрела на Тимура. Из магнитолы заиграла «Шутка» Баха. – Все, электронные билеты купила! Концерт в эту пятницу в семь часов.

Отчего люди совершают неожиданные добрые дела? По велению милосердного сердца или по напутствию ангела-хранителя? От того ли, что запутаться о других гораздо проще, чем о себе? От того ли, что помощь другим – часто всего лишь крик о том, как сильно самому нужна забота? А может, лишь от того, что скука жизни требует приключений? В машине звучали этюды Шопена, Тимур пытался найти, выслушать ответ, но не мог ни на чем сосредоточиться.

– Встретимся в холле, – прервала его мысли Елена, выпорхнула из машины и скрылась в подъезде.

Тимур сидел в машине и осознавал реальность. Шуман не лучший вариант для свидания, думал он. Вот если бы Сен-Санс! Как только Елена вышла из машины, он заметил, что она забыла свою черную сумочку и телефон и ушла к подъезду только с ключами, которые вертела в руке по дороге. Тимур был хорошим человеком, и, конечно, сразу подумал, что ее нужно окликнуть, но смалодушничал, испугался, что, отдав ей забытые вещи, он больше никогда ее не увидит. В сумочке лежали красный кошелек, студенческий билет, помада и пудреница. Тимур открыл пудреницу и вдохнул запах карамели. В маленьком зеркальце, испачканном манкой пудры, он увидел себя – смелые глаза, орлиный нос, мужественный лоб.

Пятница. Без пятнадцати семь. В концертном холле Тимур чувствовал себя крошечным и прозрачным – высокие потолки давили своим величием, люди вокруг были полные достоинства и образования, и даже сквозняки как будто толкали во вспевшую спину.

Елена пришла после второго звонка. Она была такой же красивой, но много тревожилась, общалась стандартными короткими фразами и постоянно с кем-то переписывалась. Они прошли в концертный зал и сели на места. В зале было трепетно и торжественно. Тимур осматривался. На стульях с овальными спинками рассаживались люди. Светлый зал был украшен барельефами, лепными декорами и орнаментами. Под громадными окнами висели портреты-медальоны композиторов. Некоторых Тимур узнал. Большой люстры на потолке Тимур не увидел, а на светильниках и бра, развешенных на стенах, заметил главные эмблемы музыки – лиры и трубы. Под этими торжественными атрибутами, под нарисованными взглядами великих классиков, среди людей в костюмах и платьях, с нотами в руках, Тимур, таксист, родом из далекого южного поселка, неожиданно почувствовал невыразимую общ-

ность и причастность. Он впервые в жизни ощутил себя в своей среде и на своем месте. Хотя место, признаться, было неудобным.

Концерт начался, оркестр заиграл. Тимуру казалось, что он физически ощущает объятия, а когда тебя кто-то обнимает, совершенно невозможно думать. Когда тебя обнимают, невозможно испытывать что-то, кроме нежности. Как много вокруг величия, как много жизни и как много музыки, думал Тимур. На секунду он посмотрел по сторонам, чтобы бессловесно разделить пережитые чувства. Елена ковыряла маникюр. Сосед справа дремал, зрители сзади сидели с равнодушными отрешенными лицами. Тимуру стало неприятно. Как несправедлив мир, грустил он. Как бесчувственны и закрыты люди. А впрочем, думал Тимур, может, все наоборот. Может, этот концерт – его законная компенсация за все обиды детства. И такой компенсации Тимур был вполне удовлетворен.

То, что Елена так и не вернулась из уборной, Тимур заметил не сразу. Расстраивался недолго, после музыкальных объятий обижаться не получается. Домой он возвращался пешком. Шел долго, устал и проголодался. Шаги рождали в его голове мысли, а мысли требовали шагов. В голове распутывался клубок смыслов. Тимур остановился только тогда, когда почувствовал, что его носок стал влажным от крови – вскрылась мозоль, натертая новыми дешевыми ботинками. И как только он отвлекся от своих эмоций на эту несуразную мелочь, в голове из распутанных смыслов связалась его жизненная цель.

Оркестр, догадался Тимур. Я создам оркестр. Скрипка, фортепиано, альт, арфа и... Оркестр, чтобы говорить с людьми через музыку. Оркестр, чтобы научить людей слушать. Оркестр, чтобы никого не оставить равнодушным. Но как, разгонял Тимур мысль, спускаясь в метро. Жениться. Пять детей. Скрипка – раз, фортепиано – два, альт – три, арфа – четыре. И аккордеон. Пять. Тимур доковылял до своего подъезда. Сначала нужно жениться. А дальше как-нибудь само пойдет, уверенно решил Тимур, когда захлопнул за собой дверь квартиры.

Через год Тимур женился. На милой девушке, которую звали Замира. После свадьбы ему пришлось сменить работу, съехать от двоюродной бабушки и окончательно повзрослеть. А еще через год у Тимура родилась девочка, красивая, как луна в тюле облаков.

Vivace con moto

Лена считала, что на ее личность более всего повлияли два случая.

Первый – когда она спасла муху из паутины и пришла похвастаться к маме. Лене было шесть лет. Мама готовила фарш. Фарш вяло выползал из решета мясорубки в эмалированную миску, издавая склизкие звуки, табуретка шаталась и топала своей ножкой, а запыхавшаяся мама с большим усилием вращала ручку мясорубки. Глядя на спасенную муху, еле ползающую в Лениной ладошке, мама остановилась, аккуратно убрала волосы со лба, чтобы не испачкать их в красной жиже, и сказала: «Теперь паук останется без еды. А вдруг у него дети?» Лена задумалась. Посмотрела на угол, в котором только что прибила паука. Разорванная паутина еле колыхалась. Паука стало жалко. Так Лена поняла, что в мире нет плохих людей, и даже мерзавцев и хищников всегда есть за что пожалеть. С тех пор Лена пыталась спасти всех, кого могла, даже тех, кто ее не просил.

Второй случай произошел в палате интенсивной терапии после удаления аппендицита. Она помнит, что совсем не чувствовала ног, что во рту было сухо и казалось, что она наелась песка. «Повезло тебе, деточка, перитонит был. Хорошо, что тебя Гаврилов оперировал, а то могла и помереть», – сказала зашедшая к ней медсестра. Лена не смогла осознать смысла слова «помереть» и сосредоточилась на «повезло». Она зачем-то попыталась встать – в голове промелькнуло, что ей срочно нужно на вступительный экзамен, что в больницу ее привезли прямо в ночь перед ним. Встать не получилось. Ну и ладно, думала Лена, повторяя про себя «повезло», как мантру. Она подняла глаза на потолок и увидела огромную трещину прямо над собой. И именно в этот момент очень сильно испугалась. Она живо представила, как огромный кусок штукатурки летит на нее, а она даже не может не то чтобы встать, но даже увернуться. Животный страх сжал ее плечи и горло, и Лена закричала. В палату прибежала испуганная медсестра. Лена кричала ей: «Штукатурка! Штукатурка!» Медсестра равнодушна вколола ей укол и со словами «Не отвалится» вышла. Когда дверь палаты закрылась, Лена услышала тихую знакомую мелодию – наверное, у кого-то заиграл телефон. Это была «Лунная соната». Под звуки Бетховена Лена успокоилась и заснула крепким сном. Проснулась она уже в обычной палате с ров-

ным побеленным потолком, но поверила в великую силу музыки. В университет в тот год Лена не поступила, но стала меломанкой.

* * *

Человек может прожить без воды пять дней, без музыки Лена могла прожить максимум три. Сегодня был второй.

Утро было тяжелым. На кухне стучали посудой, в комнате родителей бубнил телевизор, галдел город. Привычным жестом Лена попыталась найти телефон и наушники, но не нашла. Без музыки ей было непривычно и тревожно.

В смартфоне у нее было два десятка плей-листов, отсортированных по жанрам, настройкам и занятиям. С музыкой Лена грустила, рефлексировала, отдыхала, радовалась, восстанавливалась, успокаивалась, добрела, избавлялась от злости, влюблялась, мечтала и засыпала.

Телефон она забыла позавчера в такси и не так переживала из-за пропажи – с таксистом она встретится уже вечером, – как из-за того, что ей приходится слушать обиденную жизнь.

Лене было двадцать шесть, и она жила с родителями, спала с плюшевым медведем и читала фэнтези, но редко дочитывала. Забрасывала книги под кровать до лучших времен. Там же валялись Ленины дневники, исписанные всего на пару страниц, заброшенные, но не выброшенные. У Лены было счастливое детство, любящие родители, море летом и возможности. Правда, возможности были как навязанные функции в дорогом смартфоне – Лена ими владела, но почти никогда не пользовалась. В детстве ее устроили в хорошую музыкальную школу, она проучилась два года и потеряла интерес. Затем родители определили ее на художественные курсы. Лена протянула там пару месяцев. На желаемый факультет психологии Лена не поступила, зато родители смогли устроить ее в педагогический. Там Лена промучилась целых три года и благополучно отчислилась, не сдав сессию.

Лень – двигатель прогресса, скука – двигатель творчества. Все творчество Лены – помогать другим.

Лена открыла старый ноутбук и набрала в поисковике «электронная скрипка купить».

Полгода назад Лена подрабатывала аниматором, ездила развлекать детей в больницы. Там она познакомилась с Илюшей. Он проходил курс химioterпии и уже готовился к выписке. Он громко хохотал над ее фокусами и шутками, а когда представление закончилось, долго не уходил. Так они

подружились. Илюша оказался умным, талантливым мальчиком. Он дочитывал книги, дослушивал песни, дописывал блокноты, заканчивал картины. Еще Илюша неплохо говорил на английском, изучал робототехнику и интересовался астрономией. Неплохо для пятиклассника. Илюшу выписали из больницы, но Лена продолжала с ним переписываться. Месяц назад Илюша снова чем-то заболел, попал в больницу и грустил в больничной палате. Когда-то в переписке он сказал, что очень хочет себе электронную скрипку. Чтобы можно было играть дома или в больнице, поздно вечером или рано утром и никому не мешать. У Илюши было много талантов, но не было возможностей, а у Лены – наоборот.

И сегодня Лена решила устранить жизненную несправедливость. Она долго изучала модели, читала отзывы и выбрала наконец одну из самых дорогих моделей. Нажала кнопку «в корзину» и быстро оформила заказ. Потом зашла на сайт в «ВКонтакте» и написала Илюше.

Привет. Как ты?

Привет. В больнице. Но тут в этот раз весело. Ребята интересные такие. Я им про астрономию рассказываю. Мне подарили энциклопедию, я ее почти уже всю выучил.

О, а я Весы по гороскопу)

Весы сейчас на небе не видны.

Луна во Льве?

Типа того) Но это не совсем астрономия, это астрология.

Астрономия)

Ногастрия) Пошщу в созвездиях ноги))

Ищи) у меня для тебя тоже подарок есть. Привезу завтра утром.

Лена закрыла ноутбук. Жизнь не наполнилась мелодиями, но день сразу стал чуточку прекраснее.

Скрипку привезли очень быстро, уже к обеду. Илюша непременно должен стать знаменитым музыкантом. Лена знала, что он очень одарен. Из-за болезни Илюша оставил занятия, но сейчас снова хочет заниматься, и как это здорово и чудесно. Лене очень хотелось видеть его на сцене, подростком, красивым, во фраке, со скрипкой и тихо гордиться – ей очень хотелось быть причастной к рождению новой звезды. Лена представила себя на сцене, под слепящими софитами. Представила, высоко она стоит над зрителями, и как все замирают, слушая ее. Наигравшись, она сложила скрипку в коробку, обмотала ее атласной желтой лентой и долго мучилась, завязывая праздничный бант. Осталось забрать свой телефон.

Собираясь на встречу с таксистом, Лена зашла на кухню, схватила один свежий, горячий сырник, полированный маслом, макнула в облачно-белую сметану и съела. Надела куртку, обулась. С удовольствием посмотрела на себя в зеркало. Брызнула на шею духами. Красивая. Милая. Любимая. Чтобы возлюбить ближнего своего, нужно сначала полюбить себя.

Лена зашла в лифт. Непривычно было слышать гул мотора и скрип дверей – обычно уже в лифте Лена была в наушниках. Лена вышла из подъезда. Город окропил энергией, воздухом и симфонией из детских голосов, шума машин и чириканья птиц. Дынный солнечный свет заставил зажмуриться. Скрипку должны доставить сегодня вечером. Тело ответило ей на фантазию – и само зашаталось в такт, будто действительно слыша музыку. Лена шла по улице, пританцовывая.

Заполучив наконец телефон, Лена увидела несколько непрочитанных сообщений от Илюши.

Привет) Ты приедешь????! Меня мама хочет забрать в пятницу или в субботу уже! На посту сказали могут до девяти пустить, но только если хорошо попросить)

Уже? Поздравляю) Выздоровел, ура)

Ответа не было, и Лена забеспокоилась – вдруг он уже собирается домой? А скрипка? А подарок? А восстановленная справедливость? Лена занервничала и поспешила домой.

Времени было мало. Нужно было успеть в больницу до девяти. Не хотелось встречаться с родителями Илюши, было почему-то неловко. Не хотелось ехать к нему домой. Не хотелось столкнуться с матерью Илюши завтра утром. Поэтому скрипку доставить нужно было обязательно сегодня.

Она вызвала такси, помчалась домой, не снимая наушников, схватила упакованную скрипку и помчалась в больницу. Она бежала на автобусную остановку, и в ушах у нее играла электронная музыка. The Chemical Brothers, но Лена опережала их ритм. Она шла быстро и никак не могла найти композицию в том же ритме, все, абсолютно все песни отставали от ее шага. На остановке она начала перешелкивать песни одна за другой, быстрее, чем на пульте телевизора. Песни успевали только запеть одной нотой, а некоторые и вовсе пролистывались. Лена ходила взад-вперед и, проматывая песни в плей-листе, пыталась ускорить время.

В автобусе она взглянула на часы и немного успокоилась. Успеет. Она представляла – вот она приходит в больницу, и с таким подарком ее, конечно, не пускают. Тогда она очень просит спустить-

ся одного мальчика, музыканта. Илюшу все знают уже, каждая медсестра, и, конечно, же разрешают ему спуститься, она выходит, худой, большеглазый, улыбочивый. Она вручает ему подарок. И обязательно берет обещание, чтобы он занимался каждый день и снова выиграл на конкурсе. Она видит его восхищение и быстро удаляется – в конце концов, не для его эмоций же она все это делает. Фантазии были оформлены вариациями Паганини из нового плей-листа Лены. Остановка, Лена вышла из автобуса и переключила музыку на инди-рок. Coldplay, Keane ее всегда успокаивали.

- Мне в 603-ю палату, – сказала Лена дежурной медсестре.
- Посещения закончились уже, – ответила она.
- Мне просто передать подарок, а то завтра мальчика выпишут, и я не успею.

Медсестра долго смотрела на нее, потом уточнила, кто именно из 603-й палаты ей нужен.

- Илюша Конов. Он у вас тут часто лежит. Завтра его должны выписать. – Лена поставила подарок на пол, сняла большие наушники и спокойно стала ждать, когда медсестра разберется.
- Илюша Конов? – Медсестра долго смотрела в книгу, а потом посмотрела на Лену и сказала: – А его уже нет. Ушел. В смысле – он умер сегодня.
- Илюша Конов, – повторила Лена. – Я к Илюше Конову.
- Он умер. Сегодня. Вы ему кто?
- Я? Я просто к Илюше. Подарок принесла. Я не поняла, а что с Илюшей?
- Не знаю, но он же давно болел. Метастазы. Подробности не знаю, с родителями говорите. – И медсестра опять скрылась за своим столом.

Лена долго стояла там, как дурочка. Потом опомнилась и скорее побежала из больницы. Только бы не столкнуться с его мамой, думала Лена. Почему-то это ей сейчас казалось самым страшным и неприятным.

Как это он умер? Почему ей не сказал? Когда он успел? Она шла домой тем же маршрутом, на полном автомате. Зачем приперлась с этой скрипкой. В автобусе Лена достала телефон, открыла сообщения и написала Илюше «Привет». Ждала ответа, но его так и не было.

До подъезда Лена плелась в полной тишине. Ни о чем не думала и ничего не слышала. В автобусе она сидела и смотрела в одну точку, она видела эту точку, как тогда трещину на потолке, и ей хотелось, чтобы ничего, кроме этой точки, в мире не су-

ществовало. И вообще, чтобы этот мир, который она любила, и она сама растворились в этой точке и наступила бы вечная тишина. Но вечерний город бурлил, кипел, смеялся и жил обычной жизнью и даже не думал останавливаться и замолкать. Весь шум, вся музыка, вся жизнь вывели из себя тем, что куда не исчезли, а все так же существовали, и будут существовать столько, сколько будет существовать музыка. А Илюши больше не будет.

Дома вкусно пахло мамиными котлетами, но Лена не стала есть. Она закрыла дверь в своей комнате, легла на кровать, забросила наушники под кровать. Лена долго смотрела в потолок и вдруг вспомнила, что забыла скрипку в автобусе. На миг ей показалось, что на идеально побеленном потолке образовалась огромная трещина. Лена закрыла глаза и заплакала.

